

Дмитрий Владимирович Веневитинов

**Полное собрание сочинений
Д. В. Веневитинова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Д53

Д53 **Дмитрий Владимирович Веневитинов**
Полное собрание сочинений Д. В. Веневитинова / Дмитрий Владимирович Веневитинов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 264 с.

ISBN 978-5-458-23607-2

Дмитрий Владимирович Веневитинов (1805-1827) - русский поэт романтического направления, переводчик, прозаик и философ. Дмитрий Веневитинов родился 14 (26) сентября 1805 г. в Москве, в старинной и богатой дворянской семье. Получил классическое домашнее образование, которым руководила мать (княжна Анна Николаевна Оболенская), изучил французский, латынь и греческий. Увлёкся немецкой философией и романтической поэзией. Слушал отдельные лекции в Московском университете, в частности курсы А. Ф. Мерзлякова, И. И. Давыдова, М. Г. Павлова и Лодера. Участвовал в собраниях студенческого литературного кружка Н. Рожалина. В 1825 г. Веневитинов поступил на службу в московский архив коллегии иностранных дел. Участвовал в издании журнала «Московский вестник». Организовал вместе с князем В. Ф. Одоевским тайное философское «Общество любомудрия». В 1827 г. Веневитинов перебрался из Москвы в Петербург, поступив в канцелярию иностранной коллегии. При въезде в Петербург Веневитинов был арестован по подозрению в причастности в заговоре. Он провёл три дня под арестом, что повредило его здоровью. После этого, в марте, возвращаясь легко одетым с бала, Веневитинов сильно простудился. Поэт умер 15 (27) марта 1827 г. в Петербурге. С приложением портрета автора, факсимиле и статьи о его жизни и сочинениях.

ISBN 978-5-458-23607-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ *

Мѣсто рожденія поэта. — Первые впечатлѣнія его дѣтства и первоначальное воспитаніе. — Дореръ и классическая словесность. — Первые литературные опыты; занятія живописью и музыкой. — «Посланіе» къ друзьямъ; первое знакомство съ театромъ. — Вступленіе въ московскій университетъ и начало занятій философій. — Философскій кружокъ; его значеніе и характеръ. — Рожалинъ и Кирѣевскій. — Первая любовь. — Знакомство съ Пушкинымъ. — Переѣздъ въ Петербургъ. — Разлука съ любимой женщиной и ея гибельное вліяніе. — Септицизмъ, упадокъ силъ и признаки возрожденія. — Конечное пораженіе организма; смерть поэта.

Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ родился въ Москвѣ 14 сентября 1805 года. Общественное положеніе, избытокъ матеріальныхъ средствъ, благопріятствовали новорожденному съ первыхъ шаговъ его въ свѣтъ. Онъ принадлежалъ по роду къ одной изъ старинныхъ дворянскихъ фамилій, по всей вѣроятности, вышедшей изъ Запорожья (въ родословной Дмитрія Владиміровича часто упоминаются *есаулы*); большое помѣстье въ Воронежской губерніи доставляло ему роскошную и изящную обстановку въ жизни, напередъ спасая отъ всѣхъ нравственныхъ искушеній бѣдности. Домъ его матери былъ однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ и почтенныхъ домовъ въ Москвѣ, и составлялъ даже нѣчто въ родѣ салона артистовъ. Сюда охотно

* Приносимъ здѣсь нашу искреннюю благодарность Ал. Вл. Веневитинову; кн. В. Ф. Одоевскому и А. П. В—ской, познакомившейся съ Веневитиновымъ въ бытность его въ Петербургѣ. Ихъ немногосложныя, но драгоценныя указанія много уяснили намъ личность поэта.

заглядывали всѣ мѣстные и заѣзжіе художники, пѣвцы, музыканты — и подѣ ихъ-то благодатнымъ вліяніемъ раскрывались, мало по малу, поэтическіе инстинкты ребенка. Мы сказали: домъ матери, потому что, въ раннемъ еще дѣтствѣ, Веневитиновъ, потерявъ своего отца и остался на рукахъ нѣжно-любившей его матери — Анны Петровны. Къ счастью Веневитинова, она не была похожа на классическихъ «матушекъ», пустившихъ въ свѣтъ цѣлую толпу забалованныхъ до отупленія сынковъ; но избѣгая вреднаго потворства всевозможнымъ слабостямъ дитяти, она не желала также «учить» его нравственности съ помощью избитой морали и жесткаго обращенія съ дѣтскимъ возрастомъ. Вся проникнутая духомъ теплой, непедаггической религіи, она, собственнымъ примѣромъ любви и кротости, вѣрнѣй всего настраивала къ добру первые помыслы дитяти, внося въ его воспитаніе этотъ неоцѣненный женственный элементъ, такъ счастливо развивающій наилучшія стороны дѣтской природы. Подѣ ея-то вліяніемъ, чуждымъ мелкихъ стѣсненій и родительской тираніи, освоился нашъ поэтъ съ тою «нравственной свободой», про которую часто говорилъ въ своихъ сочиненіяхъ. Когда ребенку минуло восемь лѣтъ, то мать, уже теряя возможность вести его впередъ одними собственными стараніями, сумѣла найти человѣка, который бы, съ такой же любовью и внимательностью, направлялъ его дальнѣйшее образованіе. Это былъ Дорѣръ, отставной капитанъ французской службы, человѣкъ умный и образованный, который могъ, какъ нельзя лучше, дѣйствовать на впечатлительнаго мальчика. Дорѣръ явился къ своему питомцу первымъ представителемъ науки и мысли — и нельзя не замѣтить, что многое и многое въ жизни поэта зависѣло отъ характера этой первой встрѣчи. Веневитиновъ искренно любилъ своего наставника, съ которымъ и началъ свои учебныя занятія. Лѣтній поѣздъ на дачу въ Кусково или Сокольники пріятно разнообразилъ учебную жизнь мальчика — и тамъ, на волѣ и просторѣ, рѣзвился онъ со всей неутомимостью своего возраста. Всевозможныя игры бывали имъ перепробованы; тамъ же, вѣроятно, одушевила его впервые та любовь къ природѣ, которую онъ постоянно сохранялъ въ себѣ. Часто доброму гувернеру приходится оты-

скивать въ саду своего питомца — и звонкій голосокъ, а потомъ и книга, слетавшая съ какого нибудь высокаго дерева, давали знать о прихотливо выбранномъ мѣстѣ. Книгой этой обыкновенно была латинская грамматика: съ нея началъ Дореръ, знатокъ римской литературы, классическое образованіе мальчика. Въ параллель съ изученіемъ древней литературы, Дореръ, какъ французъ, ставилъ конечно изученіе своей родной, французской, но ни въ дѣтствѣ, ни въ позднѣйшихъ лѣтахъ, у Веневитинова не лежало сердце къ французскимъ поэтамъ. Впослѣдствіи, когда мальчикъ достигъ уже болѣе степеней зрѣлости, занятія нѣмецкой поэзіей совершенно отвлекли его отъ литературы Корнеля и Расина.

Для греческаго языка былъ найденъ, по совѣту Дорера, особый преподаватель — грекъ Бейля. Замѣчательныя способности дитяти, его, почти недѣтская, вдумчивость и внимательность, много помогали его успѣхамъ. Между греческими классиками у него скоро оказались свои любимцы: — Софокль и Эсхилъ — и, укрьпившись въ познаніи языка, онъ пробовалъ даже перевести нѣсколько отрывковъ изъ «Прометея». Картина тяжелыхъ мученій этого мнѣчскаго героя, прикованнаго къ скалѣ за соперничество съ богами въ тайнѣ созданія, сильно затронула его воспримчивую душу. Вѣроятно, съ этого же времени онъ полюбилъ и Платона, въ которомъ находилъ «столько же поэзіи, сколько глубокомыслія, столько же принциповъ для чувства, сколько для мысли». Вообще онъ скоро свыкъся съ древнимъ міромъ, гдѣ, по его словамъ «мысли и чувства соединялись въ одной очаровательной области, заключающей въ себѣ вселенную, гдѣ философія и всѣ искусства, тѣсно связанные между собою, изъ общаго источника разливали дары свои на смертныхъ». Этой чертой своего воспитанія, равно какъ и другими чертами своей кратковременной жизни, Веневитиновъ напоминаетъ намъ другаго, безвременно угасшаго поэта, Андрѣ Шенье. Извѣстно, что авторъ «*La jeune captive*» — произведенія во многомъ напоминающаго нѣжно-здумчивую музу нашего поэта — былъ сильно увлеченъ, въ ранней молодости, изученіемъ древнихъ классиковъ

Классическая жизнь была такъ цѣльна и замкнута; ея без-

смертные памятники въ литературѣ и искусствѣ исполнены такой глубокой и звучащей гармоніи, что изученіе ихъ неотразимо дѣйствуетъ на молодую, впечатлительную душу и не убивая въ ней ни одного изъ жизненныхъ элементовъ, придаетъ имъ всѣмъ гармоническое равновѣсіе. Намъ кажется, что только изъ подобнаго настроенія могли возникнуть эти, тысячу разъ повторенные, стихи:

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчай!

По другимъ предметамъ, нужнымъ для элементарнаго образованія, мать Веневитинова своевременно приглашала къ себѣ на домъ наставниковъ — и, такимъ образомъ, мальчикъ совершенно ускользнулъ отъ школьнаго воспитанія...

Изъ новыхъ учителей никто не имѣлъ замѣтнаго вліянія на мальчика, не исключая и учителя русской словесности. Русская литература, еще только расцвѣтавшая тогда, не могла имѣть много даровитыхъ пѣвцовъ, и Веневитиновъ самъ долженъ былъ заботиться объ этой части своего образованія. Изъ русскихъ писателей, онъ познакомился прежде всего съ Карамзинымъ, и «Исторія Государства Россійскаго» была съ жадностью прочтена имъ.

Объ руку съ литературными занятіями Веневитинова, шли другія, столько же освѣжающія и увлекательныя — занятія живописью и музыкой. Его разнообразныя таланты и здѣсь выказали себя въ полномъ блескѣ. Позже, онъ такъ успѣлъ въ музыкѣ, что могъ свободно писать довольно трудныя композиціи, и постоянно слылъ въ кругу своихъ знакомыхъ за талантливаго музыканта. Заключительные стихи «Къ любителю музыки» показываютъ весьма ясно: какой глубокой, вдохновенный смыслъ имѣла для него поэзія звуковъ. Нѣсколько стихотвореній было въ ранней молодости переложено имъ на ноты; до насъ не дошли эти переложенія, но сохранились нѣкоторые другія музыкальныя пьески *). Мы видѣли также

*) Одну такую пьеску видѣли мы у А. В. В.—ва. Князь В. Θ. Одоевскій, самъ любитель и знатокъ музыки, говорилъ намъ, что Веневитиновъ былъ

одну его художническую работу (эскиз головы Медузы) и не могли не признать въ ней смѣлости и выразительности, весьма значительныхъ при томъ маломъ упражненіи, которымъ онъ пользовался. Особенно поразили насъ живо-схваченные глаза Медузы....

И такъ, классическая словесность, музыка, живопись и поэзія — вотъ тѣ первыя вліянія, подъ которыми слагалась нравственная натура поэта. Но любовь къ размышленію, мечтательности и серьезнымъ умственнымъ трудамъ, такъ рано замѣчаемая въ нашемъ дитяти, счастливо совмѣщалась въ немъ съ самой открытой и дружелюбной веселостью, иногда переходившей въ дѣтскую рѣзвость, но никогда въ задорность и шаловливость. Позднѣе, подъ вліяніемъ многихъ печальныхъ событій въ жизни, Веневитиновъ утратилъ въ значительной степени это природное качество; но оно все-таки нерѣдко слетало къ нему, оживляя и разсѣвая его тяжелыя думы.

Съ 14-ти лѣтъ, авторскія наклонности мальчика выразились еще полнѣе: Гораций не сходилъ съ его рабочаго стола и плодомъ такой умственной дружбы были немногіе переводы въ стихахъ изъ римскаго корифея. До насъ не дошли эти первыя упражненія поэта; но за то уцѣлѣлъ другой переводъ изъ *Виргилиевыхъ Георгійхъ*, писанный около того же времени. Какъ бы ни было мало безусловное достоинство этихъ переводовъ, но на нихъ поэтъ старательно упражнял свою руку, а подобные опыты никогда не пропадаютъ даромъ. Такимъ образомъ, 16-ти лѣтъ, Веневитиновъ былъ уже достаточно развитъ, чтобы написать гладкимъ и звучнымъ стихомъ маленькое оригинальное посланіе: «Къ друзьямъ». Здѣсь, помъ именованъ *друзей*, нужно разумѣть дѣйствительныхъ друзей юности поэта: подобно всякому юношѣ съ нѣжной и пылкой душою, онъ рано искалъ дружеской пріязни и первыя лица, раздѣлявшія ее, были: Скарятинъ, даровитый художникъ, умершій въ Италіи на мѣстѣ изученія искусства *) и *Ө. С. Хомяковъ*, братъ недавно-умершаго поэта.

отличный музыкантъ и читалъ всѣ теоретическія сочиненія о музыкѣ, что тогда, а особенно въ Москвѣ, было совершенною рѣдкостью.

*) Скарятинъ служилъ сначала въ военной службѣ, и въ посланіи, адресованномъ къ нему, Веневитиновъ называетъ его «драгуномъ».

Около того же времени, написана Веневитиновымъ и «Вѣточка» переводъ изъ Грессе, единственное стихотвореніе, заимствованное имъ изъ французской литературы. Изъ «посланія» видно, что поэтъ успѣлъ уже полюбить свое поэтическое призваніе. «Пусть — говоритъ онъ — кто хочетъ, ищетъ славы, богатства, веселья; я и безъ нихъ счастливъ

Съ лирой, съ вѣрными друзьями».

Взглядъ, самъ по себѣ, конечно, идиллическій и, со временемъ, онъ долженъ былъ значительно измѣниться отъ вліянія новыхъ жизненныхъ вопросовъ, новыхъ требованій живой природы; но и самый буколизмъ его уже нѣсколько указывалъ на ту норму понятій, въ которой позже утвердился поэтъ. Быть можетъ, раннее изученіе Байрона (во французскихъ переводахъ) помогало развиваться этому взгляду, но самая чуткость, съ которою нашъ поэтъ прислушивался къ голосу англійскаго лирика, уже показывала въ немъ значительную душевную зрѣлость и способность внимательно задумываться надъ своими собственными ощущеніями. Подобный взглядъ сильно развивалъ природную впечатлительность поэта, сосредоточивая внутри его всѣ разнообразныя чувства, высказываемыя только вполвину, или переданныя одному дружескому сердцу. Въ примѣръ сильной впечатлительности поэта, мы сообщимъ слѣдующій, интересный случай.

Мать Веневитинова имѣла свой особенный взглядъ на театръ, въ силу котораго она не хотѣла знакомить сына со сценою раньше достиженія имъ семнадцатилѣтняго возраста. Вѣроятно, она дѣлала это въ тѣхъ видахъ, чтобы доставить ему самому несравненно большее наслажденіе видѣть и понимать игру артистовъ, чѣмъ, видя, оставаться къ ней вполнѣ-равнодушнымъ или, что всего хуже, передразнивать нимало не прожитыя чувства и положенія. Такимъ образомъ, только 17-ми лѣтъ Веневитиновъ переступилъ порогъ театра. Въ день его перваго знакомства со сценою была дана кака-то опера Россіи. Пьеса необыкновенно подѣйствовала на поэта, и долго потомъ онъ твердилъ наизусть цѣлыя тирады и примѣнялъ къ себѣ различныя положенія дѣйствующихъ лицъ.

Семнадцати лѣтъ Веневитиновъ былъ уже достаточно под-

готовленъ къ слушанію лекцій въ своемъ родномъ университетѣ. Московскій университетъ, въ то время, вошелъ въ славу, представляя въ удостовѣреніе своей полезной дѣятельности имена Мерзлякова, Давыдова (И. И.), Павлова (М. Г.). Несомнѣнный талантъ перваго изъ нихъ составилъ даже эпоху въ исторіи этого университета. То поэтъ, то ученый, Мерзляковъ (А. Ѳ.) имѣлъ сильное вліяніе на слушателей: его горячая любовь къ уснѣхамъ русскаго просвѣщенія, часто выражавшаяся въ увлекательной импровизаціи, много укрѣпила необходимую симпатическую связь между кафедрой и аудиторіей, а публичныя лекціи, читанныя имъ въ 1812—16 годахъ, обратили на университетъ особенное вниманіе общества. Къ тому же и сухой классицизмъ Баттѣ и Лагарпа, принятый Мерзляковымъ въ основу своей профессорской и критической дѣятельности, замѣтно смягчался въ немъ психологической теоріей Эшенбурга и, всего болѣе, тѣмъ природнымъ чувствомъ изящнаго, которое нерѣдко проглядывало изъ-за механическаго построенія его ученыхъ приговоровъ. Такъ напримѣръ, не смѣя открыто бранить Хераскова, Мерзляковъ находилъ иногда возможнымъ вставлять среди похвалъ ему такіа замѣчанія, которыя позволяютъ сомнѣваться въ непринужденности хвалебнаго тона *). Это странное противорѣчіе между природнымъ чувствомъ и вѣрой въ классическій догматъ приводило Мерзлякова къ фактамъ еще болѣе интереснымъ. «Чувство Мерзлякова при чтеніи произведеній Пушкина — говоритъ намъ г. Шевыревъ **) — выражалось только слезами. Читая «Кавказскаго Пльнника», онъ, говорятъ, плакалъ. Онъ чувствовалъ, что это прекрасно, но не могъ отдать себѣ отчета въ этой красотѣ — и безмолвствовалъ ***). Но ограниченность

*) «Многіе герои Хераскова — говорил Мерзляковъ въ своемъ журналѣ «Амфіонъ» (1815 г.) — суть Эфемеры или лучше сказать блестящіа пылинки Санховіатона, которыя сражаются между собою въ какомъ-то темномъ мірѣ, исчезаютъ и рождаются, но чрезъ это ни мало не показываютъ ни своего начала, ни сущности, ни качества».

**) Биографическій Словарь Имп. Моск. Университета. М. 1855 г. Ч. II.

***) Веневитиновъ, бытъ можетъ, намекаетъ на это въ своемъ разборѣ «Разсужденія» Мерзлякова: «Тотъ, кто чувствуетъ — говоритъ онъ — всегда можетъ дать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ».

и отсталость его литературной теоріи уже вызвала противъ себя дѣятельность И. И. Давыдова въ духѣ новыхъ, болѣе широкихъ взглядовъ на искусство. На долю М. Г. Павлова выпала та же роль — вести впередъ своихъ слушателей и современниковъ, обобщивъ между ними познанія естественныхъ наукъ, выведя эти науки изъ тины педантства и мелкихъ опредѣленій на обширный путь всесторонняго развитія. Подобная роль была съ честью исполнена Павловымъ: онъ былъ одинъ изъ первыхъ шеллингистовъ въ Россіи и для него природа не была мертвой и безжизненной формулой, лишенной свѣта и теплоты. Эта замѣчательная черта профессора Сельскаго Домоводства очень ясно выразилась и въ его публичныхъ лекціяхъ (февр. 1825 г.) и въ разныхъ журнальныхъ статьяхъ, гдѣ, по привычкѣ объяснять каждый фактъ какимъ нибудь разумнымъ началомъ, онъ проводилъ «философскій взглядъ» даже на холеру, тогда еще мало разъясненную *). Но всего полнѣй мировоззрѣніе Павлова высказалось въ его извѣстной «Физицѣ» (Москва 1836 г.). «Природа — говоритъ авторъ — есть гармоническое цѣлое, слѣдовательно въ спискахъ ея, то есть въ наукахъ естественныхъ, должна господствовать та же гармонія: въ нихъ должно быть единство начала. Вотъ мысль, осуществленія которой я всегда желалъ. Но, между тѣмъ, въ современныхъ физикахъ, по господству въ нихъ понятій механическихъ, нѣтъ единства начала, нѣтъ даже плана науки». Сказавши это, московскій ученый сильно заботился о *планѣ* въ своемъ учебникѣ и, задавъ себѣ разъ понятіе о «силахъ природы», мало останавливался на ихъ мелочныхъ проявленіяхъ **). Бесѣды съ Павловымъ и слушаніе его лекцій, по всей вѣроятности, впервые навели Веневитинова на занятія

*) Философскій взглядъ на холеру. «Телескопъ» 1831 г.

***) Ученымъ авторитетомъ онъ полагалъ въ этомъ случаѣ знаменитаго Ге-Люссака, сказавшаго въ 1828 г., въ своихъ «Лекціяхъ физики», что «Силы природы, способныя производить безконечно разнообразныя явленія, составляютъ важнѣйшую часть въ изученіи физики.» Но понятіе о цѣлостности природы, о стройной гармоніи между всѣми ея явленіями, нашъ ученый прямо черпалъ изъ Шеллинга и Огева.

философией, плодомъ которыхъ были извѣстные письма къ княгинѣ А. И. Трубецкой — о философіи *).

Посѣщая университетъ, Веневитиновъ не записывался, впрочемъ, въ студенты и не обязывалъ себя къ постоянному, регулярному слушанію лекцій одного факультета. Но педагогическія бесѣды, устроенныя для всѣхъ желающихъ профессоромъ Мерзляковымъ, охотно посѣщались юношей и скоро развернули въ немъ тѣ качества хорошаго прозанка, которымъ суждено было проявиться только въ весьма немногихъ статьяхъ. Очевидцы говорили намъ, что на этихъ бесѣдахъ Веневитиновъ обращалъ на себя вниманіе, какъ своимъ яснымъ и глубокимъ умомъ, такъ и замѣчательной діалектикой своихъ доводовъ. Здѣсь же, возражая профессору, Веневитиновъ показалъ впервые ту самостоятельность взглядовъ, которую полнѣе обнаружилъ впоследствии въ разборѣ разсужденія Мерзлякова: «о началѣ и духѣ древней трагедіи». Въ особенности трудно было нашему поэту согласиться съ тѣмъ, что «Жуковский — это арабскій конь, который бросился въ каменистую степь и хромаетъ на всѣ четыре ноги» **). Года два продолжалось это *важное* слушаніе университетскихъ лекцій — и къ его времени относятся нѣкоторыя произведенія Веневитинова: — переводъ изъ Макферсона (съ франц. текста). «Шѣнь Кольмы» и два отрывка изъ неоконченной поэмы. Сюжетъ поэмы заимствованъ изъ исторіи г. Зарайска, жестоко пострадавшаго въ первое нашествіе монголовъ. Еще въ раннемъ дѣтствѣ, поэтъ былъ въ этомъ городѣ и воспользовался устнымъ преданіемъ. Говорятъ, что Зарайскій князь Ѳедоръ получилъ отъ Батя предложеніе достойное азіатца; отдать ему въ наложницы свою **молодую**, прекрасную жену Евпраксію. Въ случаѣ несогласія, Батый грозилъ ему окончательнымъ разореніемъ удѣла. Молодой князь не испугался, однако, угрозы и, въ порывѣ благороднаго мужества, рѣшился отстоять свои супружескія права. Онъ встрѣтилъ Хана передъ стѣнами города и далъ ему роковую битву, имѣвшую одинъ конецъ со всѣми тогдашними битвами: Ѳедоръ былъ

*) Они были напечатаны подъ именемъ «Писемъ къ графинѣ N. N.»

***) Воспоминаніе одного изъ бывшихъ слушателей Мерзлякова.

убить, Батый уже готовился исполнить свою ханскую прихоть. Но молодая жена не дождалась своего позора и, узнавъ о геройской смерти мужа, бросилась вниз съ городской стѣны, вмѣстѣ съ своимъ младенцемъ. До сихъ поръ, мѣстные жители показываютъ ея мнимую или дѣйствительную могилу, не привлекательную ничѣмъ кромѣ воспоминанія.

Одно лишь темное преданье
Вѣщаетъ о дѣлахъ вѣковъ
И вѣетъ вкругъ пѣмыхъ гробовъ.... *)

Это глубоко-трагическое событіе было оцѣнено по достоинству поэтическимъ чутьемъ Веневитинова, но скоро начавшееся глубокое изученіе германской литературы отвлекло его отъ тщательной обработки этого сюжета, и дѣло окончилось двумя отрывками, случайно уцѣлѣвшими отъ истребленія. Впрочемъ, есть основаніе думать, что поэтъ нашъ и самъ почувствовалъ свое безсиліе предъ этой грандіозной темой, требовавшей не одного только внѣшняго изученія родной старины, но и глубокаго проникновенія въ духъ народа. А этотъ то духъ народности былъ тогда совершенно terra incognita, и только смутное его предчувствіе бродило въ нѣкоторыхъ умахъ. Бросивъ свою поэму, Веневитиновъ не возвращался уже болѣе въ своихъ произведеніяхъ къ событіямъ отечественной исторіи **). Сюда же прилегаютъ, по времени, «Къ друзьямъ на новый (1823) годъ», «Отрывки изъ пролога», «Смерть Байрона», «Пѣснь грека», «Любимый цвѣтъ» (посвященный сестрѣ поэта — Софьѣ Вл. В—вой) и первое посланіе къ Рожалнну. Планъ «пролога» неизвѣстенъ, но самая мысль — заставить умереть Байрона въ борьбѣ за свободу чуждой націи показываетъ, что Веневитиновъ умѣлъ видѣть его въ самомъ поэтическомъ

*) Событіе это рассказано въ Исторіи Карамзина.

**) Позднѣе, въ разборѣ первой пѣсни «Онѣгина» нашъ поэтъ обнаружилъ плохое пониманіе русской народности, называя «Руслана и Людмилу» произведеніемъ народнымъ. Винить ли за это Веневитинова? Во-первыхъ, это могло быть имъ сказано, какъ комплиментъ Пушкину, въ родѣ тѣхъ, которые онъ говорилъ и Мерзлякову для смягченія рецензіи; во-вторыхъ, и самъ Пушкинъ не выходилъ тогда въ пониманіи русской народности изъ-подъ авторитета Карамзина.